

Ирен Софи

СТРЕЛЯЕТ
ИЗ БУДУЩЕГО

18+

Ирен Софи

Стрелец из будущего

«Автор»

2026

Софи И.

Стрелец из будущего / И. Софи — «Автор», 2026

Он оказывается в Древней Руси, где каждый день превращается в борьбу за жизнь, доверие и право остаться собой. Случайное перемещение кажется лишь началом: вокруг сплетаются боярские интриги, древние тайны и следы силы, о которой предпочитают молчать даже те, кто знает больше остальных. Загадочные артефакты ведут его всё дальше — от московских горниц до забытых родовых земель, где прошлое хранит не только ответы, но и смертельную угрозу. Рядом с ним две женщины, каждая со своей болью, тайной и выбором, от которого может измениться не только их судьба. Но за реликвиями уже охотятся те, кто умеет пользоваться тьмой. И чем ближе разгадка, тем опаснее становится вопрос: он попал туда случайно — или его привели ради того, что ещё только должно случиться?

© Софи И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ирен Софи

Стрелец из будущего

Глава

Вадим боярка.

Глава 1

Переход

Дождь в тот вечер шел косой, злой, с ветром, который бил в лобовое стекло с левой стороны, будто нарочно целясь в меня. Я ехал по объездной от раскопа - «Коломенское городище», как значилось в документах экспедиции, - и думал не о дороге, а о находке. Медный оклад, свернутый почти в трубку, с процарапанным по краю орнаментом, который не бился ни с одной знакомой мне традицией - ни с новгородской чернью, ни с московским литьем. Прележал в земле лет четыреста, а то и все пятьсот. Археолог Серега сунул находку мне в руки перед отъездом со словами «сфоткай для описи», и вот теперь оклад лежал на пассажирском сиденье, в открытом файле, отсвечивая каждый раз, когда встречный транспорт окатывал машину светом.

На повороте перед мостом фура вышла на встречу. Я успел вывернуть руль - рефлекс, вбитый годами вождения по такому же скользкому, только куда более разбитому асфальту, - и не успел ничего больше. Удар пришелся в бок, и это, наверное, спасло бы мне жизнь при обычных обстоятельствах. Но обстоятельства таковыми не были. В момент удара оклад слетел с сиденья и врезался в приборную панель прямо перед моим лицом, и последнее, что я увидел, - вдруг вспыхнувший узор на меди, будто внутри включили лампу. Потом была темнота - плотная, без верха и низа, без времени. Я не мог бы сказать, сколько она длилась - смутное, растянутое ощущение падения.

Пробуждение пришло вместе с болью в затылке и запахом - прогорклым, дымным. Я открыл глаза. Потолок надо мной был бревенчатый, темный, проложенный мхом в пазах, низкий настолько, что, встань я в полный рост, задел бы макушкой. Свет шел сбоку, узкой полосой сквозь окно размером с тетрадный лист, затянутое чем-то мутным.

Первая мысль была рабочая: определи, где ты, оцени повреждения, не двигайся резко. Я прислушался к телу - и тело отозвалось болью, слишком легкой для того удара, что я помнил. Я поднял ладонь к лицу медленно, будто боялся, что она откажется слушаться, - она послушалась сразу. Просто это была чужая ладонь. Несколько секунд я лежал неподвижно, позволяя разуму принять очевидное раньше, чем это признают эмоции: тело было чужим. Другое.

Послышался скрип двери. Я увидел женщину лет пятидесяти, в темном сарафане с застиранным передником, с лицом, на котором время успело прочертить свои борозды.

- Очнулся, - сказала она в пространство. Подошла, тронула мой лоб тыльной стороной ладони - жест настолько материнский, что на секунду перебил весь ужас происходящего. - Жар спал. Слава те господи.

- Сколько я... - начал я и запнулся, услышав звук: моложе, чем привык, чуть выше тоном, но с той же интонационной окраской, какая закладывается не голосовыми связками, а характером. Узнать в чужом голосе собственные повадки было едва ли не страннее самого превращения.

- Лежал в горячке, не приходя в разум, - женщина отступила на шаг, вглядываясь в мое лицо с прищуром, будто искала в нем что-то, чего не находила. - Конь тебя сбросил на переправе, головой о камень приложило. Микула уж думал, не свидимся боле.

Конь. Переправа. Слова складывались в картину, чуждую всему, что составляло мою прежнюю жизнь, и я на мгновение допустил самую спасительную версию: кома. Бред. Посттравматическая галлюцинация после удара о приборную панель. Я вцепился в эту мысль - и она держала меня ровно до того момента, пока женщина не ушла, и я не заставил себя подняться на ноги.

Пол был земляной, плотно утопанный. В углу, у печи, стояла деревянная бадья с водой, и я, пошатываясь, добрался до нее и заглянул в темную поверхность. Лицо, смотревшее на меня

из воды, было не моим. Мужчина двадцати с небольшим лет: острые скулы, светлые, почти прозрачные глаза. Чужое лицо - но выражение в глазах было до боли узнаваемым: именно так я сам смотрел на себя в зеркало.

В дом ввалился мужик, - плотный, кряжистый, с проседью в окладистой бороде и рубцом через переносицу - застал меня за рассматриванием себя, и, судя по нахмуренным бровям, счел дурным знаком.

- Вадим, - произнес он, и я не сразу сообразил, что это не вопрос, а обращение по имени. Значит, звали меня тут так же, и в этом совпадении, случайном или нет, было что-то, от чего по спине прошел холодок. - Ты чего в воду уставился, как девка на смотрах? Спятил с горячки, что ли?

- Голова кружится, дядька Микула, - сказал я - и сам удивился, насколько легко язык произнес это обращение, будто оно давно лежало наготове где-то в глубине, куда сознание еще не успело заглянуть. Я тут же насторожился: значит, что-то от прежнего хозяина этого тела во мне осталось. Скорее рефлекс, привычка речи, готовое слово там, где новый разум еще не сориентировался. Микула хмыкнул, взглядываясь в меня с той же тревогой, что и женщина раньше.

- Голова у тебя, звать, не на месте с того удара. Который день зовешь меня дядькой, будто впервой видишь. - Пауза. - Может, оно и к лучшему, коли забыл кой-чего.

Последняя фраза повисла в воздухе с явным недосказанным продолжением, но Микула не стал развивать мысль, а вместо этого кивнул на лавку, где были сложены вещи: рубаха, порты, суконный полукафтан с петлицами на груди, шапка с меховой опушкой.

- Одевайся давай. Отлежался - будет. Сотник спрашивал уж, скоро ль на ноги встанешь.

Одеваясь - руки помнили, как затягивать пояс, как заправлять рубаху, будто проделывали это тысячу раз, хотя сознание видело подобную одежду разве что на музейных манекенах, - я лихорадочно перебирал все, что успел уловить за последние минуты. Стрелец. Дядька, судя по обращению - старший сослуживец или наставник, взявший надо мной что-то вроде опеки. Конь, переправа, падение - значит, была служба, было какое-то поручение, во время которого прежний хозяин тела получил травму. И этот недосказанный намек - «может, оно и к лучшему, коли забыл» - засел занозой сразу и надолго.

На воздух я вышел следом за Микулой, и вот тут прежняя, спасительная версия о коме окончательно рассыпалась. Двор был обнесен невысоким тыном из заостренных кольев, за которым тянулась немощеная улица с такими же дворами, курами, роющимися в грязи, и парой мужиков, чинивших телегу у соседних ворот. Дальше, за крышами, виднелась маковка деревянной церкви, потемневшей от времени и непогоды. Обжитое, грязное пространство, в котором люди рождались, старились и умирали, ничего не зная о том, что случится с их страной через несколько десятилетий. Я остановился посреди двора.

Все, что было моей жизнью: квартира в девятиэтажке, служба, потом увольнение в запас и годы кабинетной тоски по настоящему делу, раскопки по выходным как единственная отдушина, - все это исчезло одним ударом, как обрезанный кабель. Не осталось ни тела, в котором я прожил тридцать два года, ни единого человека, который знал бы меня настоящим. Осталась только память - и чужое тело, в которое эту память вселило неизвестно что и неизвестно зачем.

Паника подступала волнами. Что известно. Чего не известно. Известно: год, судя по обмолвкам Микулы про «государя Федора» и «Бориса Федоровича», - конец восьмидесятих годов шестнадцатого века. Место - где-то в Подмоскovie, судя по говору и близости к Москве, о которой уже дважды упомянули за это утро. Статус - стрелец, не самый знатный, но и не последний человек в местной иерархии, раз при мне состоит наставник и раз моего выздоровления ждет сотник.

Неизвестно почти все остальное - кем был прежний хозяин тела до травмы, что за история заставляет Микулу недоговаривать, чего мне ждать от сослуживцев и начальства. Сделать

прямо сейчас можно было одно: слушать, запоминать, не выдавать себя ни одним неверным словом, пока картина не сложится полностью.

- Обедать иди, - окликнул меня Микула от крыльца, и в голосе прозвучала тревога, которую он, видно, не привык показывать открыто. - Стоишь столбом, будто неживой. Люди зенки плят уже.

Я обернулся - и действительно поймал на себе несколько взглядов через дворовый плетень: сосед с недочиненной телегой, женщина с коромыслом у колодца. Взгляды цепкие, оценивающие, свойственные небольшой общине, где каждый на виду и любая странность становится темой для разговоров.

Я заставил лицо принять выражение спокойной сосредоточенности - маску, которую когда-то давно научился надевать в куда более серьезных обстоятельствах, чем эта, - и пошел к крыльцу, впервые сознательно подстраивая под себя чужую походку, чужую осанку, чужую жизнь, в которую меня вписали без единого объяснения и без права отказаться.

За обедом, состоявшим из густой каши и хлеба, такого черного и плотного, что зубы прежнего хозяина тела, судя по ощущениям, были привычнее к нему, чем мои прошлые, я выяснил еще несколько опорных фактов. Звали меня действительно Вадимом - простое, не редкое для служилых людей имя, и в этом совпадении с собственным именем я все сильнее чувствовал какую-то намеренность, будто медный оклад выбрал не просто тело, а тело с созвучным именем. Родни у меня не осталось - отец сгинул в казанском походе, мать умерла от морозного поветрия несколько лет назад, и с тех пор Микула, служивший с отцом, взял сироту под свою руку.

А еще - эту деталь хозяйка, назвавшаяся теткой Пелагеей, обронила почти шепотом, когда Микула вышел проверить лошадь, - недавно, перед той злополучной переправой, я повздорил с кем-то из сотни, крепко повздорил, чуть не до кулаков, и с тех пор половина стрельцов смотрела на меня косо.

- За что повздорил-то? - спросил я, стараясь, чтобы вопрос прозвучал буднично, просто от человека немного потерявшего память от удара.

Пелагея сжала губы, явно решая, стоит ли ворошить чужую беду.

- Не моего ума дело, - сказала она наконец. - Сам вспомнишь, коли надо будет. А не вспомнишь - оно, может, и к лучшему.

Второй раз за утро я слышал эту фразу - «к лучшему, коли забыл», - и второй раз она встала поперек горла тревожным комом. Что бы ни случилось с прежним хозяином этого тела, оно было достаточно серьезным, чтобы двое разных людей, не сговариваясь, предпочли, чтобы это осталось забытым.

Я доел кашу молча, взвешивая новый факт в общей и без того шаткой картине своего положения. Я не просто оказался в чужом теле в чужом веке. Я оказался в теле человека с неулаженным конфликтом, с репутацией, подпорченной чем-то, чего я не помнил и не мог объяснить, среди людей, которые ждали от меня определенного поведения, - а я не знал, какого именно.

К вечеру, когда Микула отправился проверять караул, а Пелагея гремела горшками у печи, я вышел за ворота, и встал у тына, глядя, как солнце садится за неровную линию крыш и куполов.

Я думал не о величии эпохи, в которую попал, не о царях и боярах, чьи имена помнил по учебникам и монографиям, а о куда более простых, куда более насущных вещах. О том, что мне предстоит снова притворяться человеком, которым я не являюсь, перед людьми, которые знали настоящего Вадима. О том, что где-то в этой сотне, возможно, ходит человек, с которым у меня - точнее, у прежнего владельца тела - есть незакрытый счет. О том, что единственный способ выжить здесь - это выучить правила новой жизни настолько быстро, насколько вообще

возможно для человека, которому вчера еще было тридцать два года, а сегодня досталось тело двадцатилетнего чужака.

Небо над избами наливалось густым, тревожным багрянцем - таким, каким бывает перед переменной погоды. Я смотрел на него, пока темнота не стерла границу между ним и крышами, и думал о том, что где-то там, в глубине этого чужого, обжитого чужими бедами века, начинается моя новая жизнь - нравится мне это или нет. Другого выбора судьба мне не предложила.

Глава 2

Прошло дней десять. Тело за это время окрепло настолько, что Микула перестал коситься на меня с утра, проверяя, не шатает ли, а сотник - звали его Игнат Фомич, кряжистый мужик, вызвал меня на смотр и, оглядев с ног до головы придирчивым взглядом человека, которому не раз приходилось хоронить своих людей, буркнул одно слово: «Годен».

За эти дни я выучил больше, чем за иной год в прежней жизни. Не по книгам - ухом и памятью тела. Как держат бердыш на плече, чтобы не сбить строй. Какие молитвы бормочут перед едой, чтобы не привлекать лишнего внимания. Как отвечать «здоров будешь» на приветствие и не путать «ты» с «вы» - здесь не было четкой границы между ними, была граница между «свой» и «чужой», и я старательно учился, к кому какая относится.

Про ссору свою я так ничего и не выяснил. Спрашивать напрямую было опасно - станет ясно, что спрашивающий не помнит того, что помнить обязан. Оставалось ждать, пока правда всплывет сама. На одиннадцатый день Игнат Фомич собрал десяток - так называлась команда из десяти стрельцов, куда, судя по всему, входил и я, - и объявил поручение: сопровождать обоз боярыни Волынской из подмосковного имения в Москву. Боярыня, как я понял из скупых объяснений сотника, вдова, ехала по каким-то своим делам - то ли к родне, то ли по тяжбе, никто из десятка не знал точно, да и не спрашивал. Дело служилых людей - довезти без потерь, а не любопытствовать.

- Дорога через лесной участок беспокойная последний месяц, - предупредил Игнат Фомич, оглядывая нас перед выходом. - Люди сказывают, шалят там. Не расслабляйтесь.

«Шалят» на языке шестнадцатого века, как я уже успел выучить, означало разбой, и не мелкий.

Выехали на рассвете. Обоз оказался скромнее, чем я представлял по слову «боярский»: три крытых повозки, десяток верховых охраны из людей самой боярыни и наш десяток стрельцов сверху. Я ехал в хвосте колонны, привыкая к седлу - тело помнило верховую езду лучше, чем я успевал осознать это умение, - и разглядывал лес, тянувшийся по обе стороны дороги.

Лес в этом веке был темный, с подлеском, в который не хотелось заглядывать взглядом дольше секунды. Я понимал теперь, откуда в сказках столько страха перед чащей: это было не суеверием, а трезвым расчетом. В такой чаще спрятать отряд из полусотни человек было проще простого.

Разбойники ударили на третий час пути, там, где дорога сужалась между двумя грядами оврагов и обоз растянулся в неудобную для обороны линию. Первым знаком был свист. Я, еще не успев понять, уже разворачивал коня к головной части колонны.

- К бою! - заорал кто-то впереди, и в следующую секунду из подлеска высыпали люди - человек пятнадцать, в разномастной одежде, кто с саблей, кто с рогатиной, кто с луком, - и бросились на передние повозки с той бесцеремонной уверенностью, с какой действуют люди, привыкшие, что жертвы не сопротивляются.

Дальше сознание сработало быстрее, чем страх успел вклиниться. Я направил коня наперерез человеку, тащившему возницу с передка повозки за шиворот, и ударил бердышом с разворота - без выучки настоящего рубаки, но достаточно, чтобы нападавший свалился в грязь и больше не поднялся.

Обоз превратился в мешанину криков, ржания и звона металла. Я потерял счет времени и действовал на голом рефлексе: блокируй, бей, двигайся, не стой на месте, стоящая мишень - мертвая мишень. Крик, донесшийся от средней повозки, был женским, коротким, оборванным на середине, будто рот зажали ладонью. Я развернул коня.

Двое разбойников стаскивали из повозки женщину - молодую, в дорожном плаще поверх богатого платья, с растрепавшимися из-под убруса темными волосами. Один держал ее за запя-

стья, второй тянулся к чему-то на поясе - то ли за украшением, то ли за самой повозкой. Я не думал, что делаю. Пустил коня вскачь и на всем ходу врезался бердышом в плечо того, что держал ее за руки, - удар вышел смазанный, кривой, но достаточный, чтобы разбойник взвыл и отступил, схватившись за плечо. Второй развернулся ко мне с саблей, и следующие несколько секунд слились в чистую механику: уклон, блок древком бердыша, шаг в сторону - точь-в-точь как отрабатывал когда-то с ножевым боем в спортзале, только вместо макета в руках противника было настоящее железо, а вместо тренировочных матов - грязь пополам с кровью.

Разбойник оказался не мастером клинка - злым и отчаянным, но не обученным, - и я это почувствовал. Я поймал момент, когда его сабля ушла слишком широко, и достал его древком бердыша в висок. Он осел без звука.

Бой стих так же резко, как начался - то ли разбойники поняли, что обоз обороняется серьезнее, чем рассчитывали, то ли увидели тела своих и решили не рисковать остальными. Через минуту нападавшие растворились в подлеске.

Я развернулся к повозке, и только тогда как следует рассмотрел женщину, которую спас. Она устойчиво стояла на ногах, приводя в порядок сбившийся плащ ровными, злыми движениями. Лет двадцать пять, не больше - темные брови вразлет, серые глаза, смотревшие на меня не с благодарностью, а с настороженной, почти враждебной оценкой, будто я представлял собой еще одну опасность.

- Ты цела? - спросил я, спешиваясь.

- Цела, - ответила она коротко, и в голосе не было ни намека на дрожь - ровный, властный тон человека, привыкшего, что вопросы задают ей, а не ей. - Кто таков?

- Стрелец из сопровождения. Вадим.

Она смерила меня взглядом с головы до ног - тем, каким оценивают лошадь на торгу.

- Боярыня Волынская, - сказала она наконец, будто это должно было все объяснить и одновременно поставить меня на место. - Ты бердышом машешь бойчее, чем прочие. Откуда такой?

Я мгновенно ощутил ту же настороженность, что мучила меня все эти десять дней с Микулой и Пелагеей: любое неверное слово могло выдать во мне не того человека, кем я должен был быть.

- Служба научила, - ответил я нейтрально.

Она чуть склонила голову набок, разглядывая меня так, будто мой ответ ее не убедил, но и опровергать его прямо сейчас не входило в ее планы.

- Служба, - повторила она с интонацией, в которой звучало сомнение пополам с любопытством. - Ин ладно. Проводи меня до целой повозки, стрелец Вадим. Неровен час, еще кто из леса выскочит, а мне вдругорядь спину под чужой клинок подставлять неохота.

Она произносила просьбу о защите так, будто оказывала мне милость, а не наоборот. Я подал ей руку, помогая переступить через обломок разбитого колеса, и она приняла помощь коротким, почти брезгливым кивком, отдернув пальцы сразу же, как только необходимость в опоре миновала.

Пока обоз собирался - считали раненых, оттаскивали тела разбойников на обочину, чинили разбитый передок одной из повозок, - я невольно наблюдал за ней издалека. Она распорядилась своими людьми без лишних слов, и слушались ее мгновенно, без пререканий. Игнат Фомич, подъехавший проверить потери, нашел меня взглядом и коротко кивнул - не как похвалу, скорее как отметку в невидимом списке.

- Боярыню от разбойников отбил, - сказал он, констатируя. - Добро. Может, теперь и сотник о тебе иначе думать станет.

Фраза прозвучала как намек на что-то большее, чем сегодняшний бой, и я снова почувствовал уже знакомую занозу от недосказанности.

- Что ты имеешь в виду? - спросил я осторожно.

Игнат Фомич внимательно окинул меня взглядом.

- Ничего, - сказал он. - Проехали.

Развернул коня и отъехал к голове колонны, оставив меня наедине с уверенностью, что вокруг меня плетется какая-то история, известная всем, кроме меня самого, и что рано или поздно она догонит меня в самый неподходящий момент.

Остаток пути до места привала обоз двигался медленнее, с удвоенными дозорными по флангам. Я держался ближе к средней повозке и один раз поймал взгляд боярыни сквозь приоткрытую занавесь. Она смотрела на меня без улыбки, скорее с тем же оценивающим взором, что и в момент нашего знакомства, - будто пыталась решить какую-то задачу, в которой я был неизвестной переменной.

На привале, когда стемнело и обоз встал лагерем у реки, один из ее людей - пожилой слуга с седой бородкой - подошел ко мне с приглашением.

- Боярыня Любава Дмитриевна велела кликать тебя к костру. Благодарить желает как должно, не на бегу.

Имя, произнесенное полностью - Любава Дмитриевна, - показалось мне странно точным попаданием, будто где-то в глубине памяти прежнего хозяина тела оно уже было знакомо. Я списал это на совпадение и пошел за слугой к отдельному костру, разложенному чуть в стороне от общего лагеря стрельцов.

Она сидела на раскладном стульце - редкость по здешним меркам, привезенная, видно, из самого имения, - завернутая в плащ, с распущенными для просушки после дневной тряски волосами, темными, тяжелыми, спускавшимися ниже плеч. Без убруса и дорожной строгости она выглядела моложе и одновременно уязвимее - но стоило ей поднять на меня взгляд, вся уязвимость мгновенно исчезла, спрятанная за той же холодной, оценивающей прямоотой, что и днем.

- Садись, - сказала она, кивнув на бревно напротив.

Я сел.

- Благодарю за жизнь, стрелец Вадим, - произнесла она формально, будто зачитывала обязательный текст. - Твоему сотнику пошлю грамоту с похвалой, коли доедем.

- Не за что благодарить, - ответил я. - Служба такая.

- Служба, - повторила она снова с тем же нажимом, что и в прошлый раз. - Многие годы служилых людей повидала, стрелец. Служба глаза не столько холодными делает, сколько твои.

Замечание застало меня врасплох - не содержанием, а точностью. Она разглядела во мне что-то чужеродное быстрее, чем кто-либо из местных, кто знал меня - точнее, прежнего хозяина этого тела - годами.

- Может, оттого, что жизнь такая, - сказал я осторожно, стараясь звучать уклончиво, не разжигая любопытства.

Она чуть прищурилась, и в свете костра это выражение показалось мне почти хищным.

- Может, - согласилась она. - А может, оттого, что ты вовсе не тот, за кого себя выдаешь. Не пугайся, - добавила она, увидев, видимо, что-то в моем лице, - я не о колдовстве толкую. О людях, которые прячут больше, чем показывают. Я таких насмотрелась при дворе - знаю повадку.

Я промолчал, взвешивая, насколько опасен этот разговор и насколько опасно молчание в ответ на него.

- Не отвечаешь, - заметила она с сухой, почти удовлетворенной ноткой, будто мое молчание подтвердило ее догадку лучше любых слов. - Ладно, стрелец. Секреты твои - твое дело, пока меня не касаются. А коли коснутся - спрошу иначе.

В этой фразе звучала не угроза в прямом смысле - скорее предупреждение, привыкшего держать под контролем все, что происходит в окружении, и не терпящего сюрпризов. Я понял, что передо мной не просто знатная женщина, которую случай поставил на моем пути, а игрок -

расчетливый, внимательный, куда более опасный в своей тихой манере, чем любой разбойник с саблей.

- Как скажете, боярыня, - ответил я.

Она посмотрела на меня еще несколько секунд, а потом отвела взгляд к костру, давая понять, что разговор окончен.

- Ступай к своим, - сказала она. - Завтра рано выступаем.

Я поднялся, поклонился - жест, который тело выполнило само, без моего сознательного участия, - и пошел прочь от костра, чувствуя на спине ее взгляд. У своего костра я сел рядом с Микулой, который ничего не спросил, за что я был ему благодарен.

Я думал не о разбойниках, а о серых глазах, разглядевших во мне чужака. В этом веке, старательно учился быть незаметным, но эта женщина оказалась первой, для кого это не работало. И я не знал, хорошо это или плохо.

Глава 3

Обоз тронулся с рассветом, и Игнат Фомич, объезжая колонну, велел удвоить бдительность - хотя никто из нас нуждался в напоминании после вчерашнего. Разбойники вернулись на исходе дня, когда лес снова сузился в неудобный для колонны коридор - то ли те же самые, зализавшие раны и решившие отыграться, то ли другая ватага, прослышавшая о жирном обозе. На этот раз они ударили из засады вдоль тракта, стрелами.

Первая стрела ушла в сторону, вторая воткнулась в передок повозки в ладони от возницы, а третья достала меня - вошла под ключицу, чуть выше края кольчуги, в тот самый миг, когда я разворачивал коня на звук тетивы. Боль пришла не сразу, с запозданием, а потом обрушилась разом, острая, режущая дыхание. Дальнейшее я помню рвано, кусками. Крик Микулы. Собственную руку, вцепившуюся в холку коня, чтобы не свалиться. Кого-то, оттаскивающего меня за поводья в сторону от свалки. Земля качнулась, небо мазнулось перед глазами серым, и на этом ясная память обрывается.

Очнулся я уже в повозке - не своей, чужой, устланной коврами и подушками, слишком богатой для стрелецкого обоза, - и первое, что увидел, было лицо Любавы, склонившейся надо мной так близко, что я различал крохотную морщинку между ее бровей.

- Не дергайся, - сказала она сухо, прижимая к моей ключице свернутую тряпицу. - Стрелу вынули уже, кровь заговорили. Дернешься - снова откроется.

Голос был тем же властным, каким она говорила у костра, но руки двигались иначе - быстро, точно, с той сноровкой, что не дается людям, никогда не видевшим крови вблизи.

- Ты... - начал я и осекся, потому что говорить оказалось больно.

- Молчи, - велела она. - Успеешь наговориться, коли выживешь.

Она не смотрела на меня, занятая перевязкой, и я воспользовался этим, чтобы разглядеть ее без опаски - тени под глазами, прядь волос, прилипшую ко лбу, красиво изогнутые губы...

- До моей усадьбы отсюда версты три, не больше, - сказала она, не поднимая головы. - Доведем. Дальше в Москву тебе трогаться нельзя - рана откроется в седле. Останешься у меня, пока не заживет.

Это прозвучало как распоряжение - таким же тоном она отдавала приказы дворне. Но мне почудилось некая неохота признавать очевидное: что она, вдова, о которой говорили, что она никого не подпускает к себе ближе, чем требует приличие, вдруг взяла на себя заботу о раненом стрельце, которого знала без году неделя.

- Благодарю, боярыня, - выдавил я.

- Не меня благодари, - отрезала она. - Себя. Кабы не прикрыл тогда меня - сейчас лежал бы не тут.

В ее усадьбе - в крепком, ладно срубленном тереме с высоким крыльцом, - меня поселили в отдельной горнице, светлой, с настоящими стеклянными окнами, роскошью, какой я не видел с самого попадания в этот век. Первые дни прошли в горячке - рана воспалилась, несмотря на все старания старухи-знахарки, которую Любава приставила ко мне неотлучно. Я то проваливался в жар, то выныривал на поверхность сознания, каждый раз заставляя одну и ту же картину: свет свечи, тень у изголовья, и иногда - прохладную ладонь на лбу, которая я так и не понял, приснилась мне или была настоящей.

Наступил день когда, наконец, жар спал, и я, придя в себя, обнаружил Любаву сидящей у окна с шитьем в руках - тем занятием, каким скрашивают долгие часы у постели больного.

- Очнулся, - сказала она. - Добро. Знахарка боялась, что гнить начнет.

- Сколько я здесь? - спросил я.

- Пятый день. - Она посмотрела на меня. - Бредил все это время. Всякое говорил.

Внутри у меня похолодело. Горячечный бред не подчиняется контролю, который я так старательно держал в трезвом сознании все эти недели. Что я мог сказать вслух, лежа без памяти, в чужом тереме, перед женщиной, которая уже заподозрила во мне что-то не то у ночного костра?

- Что говорил?

Она отложила шитье на колени.

- Слова непонятные, - сказала она. - Не по-нашему вовсе. И имена - не здешние. И про машины какие-то железные, что сами ездят без коня. - Она чуть склонила голову. - Я решила, бред это, горячечный морок. Но ты вот странно себя ведешь, стрелец Вадим.

Я молчал, взвешивая ответ, а она, не дожидаясь его, продолжила - тише, без прежней властности в голосе:

- Не спрашиваю, кто ты. Спрашиваю одно: опасен ли ты для дома моего.

Вопрос был прямым, честным, и это заставило меня ответить так же прямо.

- Не опасен, - сказал я. - Что бы во мне ни было странного - оно не против тебя и не против твоих людей.

Она внимательно посмотрела мне в глаза, будто пытаясь разглядеть ложь. Я выдержал этот взгляд, не отводя своего.

- Верю, - кивнула она. - Потому что глаза у тебя не лгут, даже когда язык молчит.

Она снова взялась за шитье, но что-то в комнате изменилось - напряжение, которое висело между нами, не исчезло, но сменило природу.

Следующие дни выздоровления прошли в этой новой близости. Она заходила проводить меня не реже двух раз на дню - иногда с делом, иногда без особой необходимости, - и разговоры наши постепенно теряли официальную сухость.

Однажды вечером, когда за окном уже стемнело, а знахарка ушла, оставив нас со свечой и остатками травяного отвара, Любава задержалась дольше обычного, устроившись на лавке у изголовья вместо привычного стула у окна.

- Расскажи о себе, - попросила она вдруг. - Не то, что положено рассказывать. То, что правда.

- Опасный вопрос, боярыня, - сказал я тихо.

- Любава, - поправила она. - В моем тереме, при закрытых дверях, можно без чинов.

Простота, с которой она произнесла свое имя, безо всякой боярской строгости, застала меня врасплох сильнее, чем сама просьба рассказать правду.

- Я не всегда был тем, кем стал, - сказал я, тщательно подбирая слова, балансируя на грани между враньем и чем-то похожим на честность. - Многое потерял. Многое пришлось начинать заново, будто прежней жизни не было вовсе.

- Оттого и глаза такие, - подтвердила она тихо. - Будто ты старше, чем тело твое показывает.

Она протянула руку и коснулась моей щеки кончиками пальцев. От этого простого прикосновения по коже прошла волна тепла, которое не имело никакого отношения к остаткам лихорадки.

- Ты чужой везде, где бы ни был, верно? - спросила она тихо.

- Да, - сказал я честно. - Везде.

- И сейчас? - она задержала пальцы на моей скуле.

Я ответил не сразу, глядя в ее серые глаза. В них плясали крохотные отраженные огоньки от свечи. Впервые за все недели в этом веке я вдруг подумал не о выживании, а просто о женщине, сидящей так близко, что я слышал ее дыхание.

- Не знаю еще, - ответил я честно. - Но начинаю думать, что нет.

Она не убрала руку. Несколько долгих секунд мы просто смотрели друг на друга в свете единственной свечи.

- Спи, - сказала она наконец, отстранившись, будто одернув себя саму. Голос вернулся к прежней сдержанности, но не полностью - в нем остался легкий, едва заметный надлом. - Тебе еще силы копить надо. Рана не ждет разговоров.

Она поднялась,правила подол платья, и, уже у двери, обернулась.

- Утром велю знахарке сменить повязку, - сказала она деловито, будто последних минут между нами не существовало вовсе. - Отдыхай, стрелец Вадим.

Дверь за ней закрылась, и я остался в полутемной горнице, чувствуя, как на щеке, там, где были ее пальцы, еще держится тепло, не желающее уходить.

Глава 4

Рана заживала быстрее, чем предрекала знахарка - то ли молодое тело оказалось выносливее, чем я привык рассчитывать, то ли сказывалось что-то в самом воздухе этого дома, в тишине и покое, каких я не знал с самого попадания в этот век. К исходу второй недели я уже мог подниматься без чужой помощи, ходить по горнице, разминая плечо, и знахарка, осмотрев рубец, объявила, что через несколько дней можно будет думать о дороге - обоз, застрявший у усадьбы Волынских дольше, чем рассчитывала сама Любава, наконец сможет тронуться в Москву.

Эта новость должна была меня обрадовать. Вместо этого весь остаток дня я провел в странном, тягостном ожидании чего-то, чему не находил названия.

Любава заходила реже теперь, когда опасность миновала, - заглядывала утром спросить о самочувствии, иногда вечером, ненадолго, с каким-нибудь пустяковым поводом вроде проверки повязки, которая давно уже не требовала внимания. Разговоры наши стали короче, суше, будто оба мы, не сговариваясь, отступили после того вечера со свечой, испугавшись собственной откровенности.

В тот вечер, когда знахарка объявила меня почти здоровым, Любава пришла позже обычного - уже затемно, когда терем стих и слуги разошлись по своим углам. Постучала и вошла, не дожидаясь ответа. На ней не было ни убруса, ни строгого дневного платья - распущенные волосы, домашний летник, наброшенный поверх сорочки, свеча в руке, отбрасывающая на ее лицо мягкий, дрожащий свет.

- Не спишь? - спросила она.

- Не сплю, - подтвердил я, садясь на постели.

Она поставила свечу на лавку и остановилась посреди горницы, глядя на меня с выражением, которого я раньше в ней не видел, - будто она сама только что решилась на шаг, который долго откладывала.

- Знахарка рассказывает, скоро в дорогу можно, - сказала она. - Обоз тронется, поедem в Москву наконец.

- Да, - сказал я.

- Уедешь со стрельцами, а не со мной.

- Служба, - сказал я, повторяя то самое слово, которым отгораживался от нее в первую нашу встречу, и по тому, как дрогнули ее губы, понял, что она вспомнила тот же разговор у костра.

- Служба, - эхом откликнулась она, и в голосе прозвучала легкая, почти горькая насмешка. - Я тогда решила, что ты хитрец, скрывающий недоброе. А ты просто человек, потерявший все, что имел, и учащийся заново жить.

- Как ты поняла? - спросил я тихо.

- По тому, как ты смотришь на самые простые вещи, - сказала она, подходя ближе. - На хлеб. На огонь в печи. На меня. Будто видишь их впервые, хотя знаешь дольше, чем говоришь.

Она остановилась у самой постели.

- Я благодарил тебя уже, - сказала она тихо. - Формально, как положено боярыне благодарить слугу за спасенную жизнь. Но той благодарности было мало. Я поняла это сегодня.

Она протянула руку и коснулась моей щеки - так же, как в прошлый раз, только теперь без сомнения в движении.

- Любава, - произнес я хрипло.

- Молчи, - сказала она, повторяя слово, каким когда-то велела мне терпеть боль от раны, но интонация была совсем другой - просьба, произнесенная шепотом.

Она наклонилась и почти невесомо коснулась губами моих губ. Я поднял руку - здоровую, ту, что не тревожила рана, - и обхватил ладонью ее затылок, притягивая ближе, отвечая на поцелуй уже с той жадностью, что копилась во мне все эти недели. Она выдохнула мне в губы что-то похожее на мое имя. Ее пальцы запутались в моих волосах, летник соскользнул с плеча, обнажив ключицу, и я коснулся губами там, где билась под кожей быстрая, взволнованная жилка, - чувствуя, как она вздрагивает от этого простого, почти невинного прикосновения.

- Сколько дней я себе запрещала, - прошептала она, прижимаясь лбом к моему лбу, - сидеть здесь, у твоей постели, и думать не о ране твоей, а о том, каково это - быть к тебе ближе.

- Я думал о том же, - признался я, проводя ладонью по ее спине через тонкую ткань сорочки, ощущая, как она подается навстречу этому прикосновению, будто долго не позволяла себе даже такой малости.

Она забралась на постель рядом со мной, осторожно, помня о ране. Но эта осторожность потерялась в ее руках, скользящих по моей груди, в ее губах, спускающихся от моих губ к шее, оставляя за собой дорожку тепла, от которого перехватывало дыхание. Летник упал на пол. Сорочка соскользнула следом, и я, обнимая ее в полутьме, ощущал тепло ее кожи под ладонями и то, как с каждым прикосновением уходит напряжение, годами державшее ее плечи прямыми, а взгляд - холодным. Она прижималась ко мне всем телом, будто искала подтверждения - что не ошиблась, доверившись, что человек, которого она впустила в свой дом раненым чужаком, не предаст этого доверия.

Я провел ладонями по ее бедрам, поднимаясь выше, к талии, затем обхватил полные груди, чувствуя, как твердеют соски под моими пальцами. Любава тихо застонала, выгнувшись навстречу, и сама потянула мою рубашку вверх, помогая мне избавиться от нее. Когда наша кожа наконец соприкоснулась полностью, без преград, по ее телу прошла дрожь.

Она села сверху, оседлав меня так, чтобы не задеть рану, и медленно опустилась, принимая меня в себя. Я вошел глубоко, ощущая тесную, влажную теплоту, которая обхватила меня словно бархат. Любава замерла на миг, прикусив губу, а потом начала двигаться, покачивая бедрами. Ее распущенные волосы падали на мою грудь, а руки упирались мне в плечи для опоры.

Я держал ее за талию, помогая движениям, поднимая бедра навстречу каждому ее спуску. Каждый толчок отдавался в нас обоих острым удовольствием. Она наклонилась вперед, целуя меня жадно, и я почувствовал, как ее внутренние мышцы сжимаются вокруг меня все сильнее. Мои руки скользнули ниже, обхватывая ее ягодицы, направляя ее движения быстрее. Свеча отбрасывала золотистые блики на ее влажную от пота кожу, на покачивающиеся груди, на приоткрытые в стоне губы.

- Вадим... - выдохнула она мое имя, когда я чуть приподнялся, целуя и слегка покусывая ее соски.

Ее движения стали отрывистыми, глубокими. Я чувствовал, как она приближается к краю: ее дыхание сбилось, тело напряглось. Один особенно глубокий толчок - и она содрогнулась в оргазме, сжимаясь вокруг меня волнами, тихо всхлипывая от удовольствия. Этот ее пик толкнул и меня за грань. Я излился в нее, удерживая ее бедра, чтобы быть в ней как можно глубже. Мы замерли, тяжело дыша, сплетенные вместе. Ее тело еще подрагивало от отголосков наслаждения.

Когда все стихло, и мы лежали рядом, укрытые одним одеялом, ее голова покоилась на моем здоровом плече, а пальцы медленно, задумчиво обводили линию моего предплечья, будто она хотела запомнить это прикосновение на ощупь, впрок, на все дни вперед, когда меня рядом не будет.

- Три дня, - сказала она тихо, глядя в темноту потолка. - А потом обоз тронется в Москву, и все изменится - уже не моим гостем будешь, а тайным телохранителем, если сговоримся.

- Сговоримся, - сказал я, и впервые за все недели в этом веке произнес это слово так, будто оно значило больше, чем просто уговор о службе.

Она повернула голову и посмотрела на меня долгим, внимательным взглядом, только теперь в нем не было настороженности.

- Смотри, стрелец Вадим, - сказала она, и в голосе вернулась привычная властность, но смягченная теплом, которого раньше не звучало в ее обращениях ко мне. - Обещания я запоминаю накрепко. И спрашиваю за них строже, чем за долги.

- Буду должником с радостью, - сказал я.

Она впервые за все время нашего знакомства улыбнулась - открыто, будто позволила себе на миг забыть все годы, которые научили ее прятать эту улыбку от посторонних глаз.

Свеча погасла сама собой, оставив нас в темноте, полной тепла ее тела рядом с моим и того непривычного чувства, что впервые за много недель в этом чужом веке еще не было.

Глава 5

До Москвы добрались на пятый день пути - без нападений, без задержек. Будто сама судьба решила дать нам с Любовью время привыкнуть к тому, что случилось между нами в ее тереме, прежде чем бросить обоих в водоворот, который, ждал нас за городскими стенами.

Москва открылась мне не так, как я представлял ее. Тесная, шумная, деревянная почти сплошь, с редкими вкраплениями каменных палат, с колокольным звоном, перекрывавшим уличный гам. Кремль возвышался над этим морем деревянных крыш как остров иного порядка - белокаменные стены, золоченые купола, суета у ворот, где стража придирчиво оглядывала каждого, кто пытался войти.

Любаву в городе ждали с той вежливостью, с какой встречают человека, чье положение при дворе предстоит уточнить. Я узнал об этом уже в первый вечер. Она вызвала меня в свои покои под предлогом обсудить охрану дома.

- Дело у меня в Москве не пустячное, - сказала она, оставшись со мной наедине. - Покойный муж мой оставил тяжбу с соседями по землям - Ртищевы зарятся на добрую половину моих угодий, и в Разрядном приказе у них рука есть.

- Кто? - спросил я.

- Дьяк один, Федор Артемьич. Ртищевым он свой человек, а мне - никто, коли не подмажу как следует. - Она поморщилась, будто сама эта необходимость была ей отвратительна. - А еще говорят, Борис Федорович недавно интересовался, кто таков этот стрелец, что боярню Волинскую от разбойников спас. Слухи в Москве быстрее лошади бегают.

Услышав имя Годунова, я напрягся - обостренное внимание историка, вдруг оказавшегося действующим лицом событий, которые прежде были для него страницами истории.

- Борис Федорович обо мне спрашивал? - переспросил я.

- Не о тебе лично. Обо всех, кто рядом со мной, - уточнила Любава. - Он такой человек - не любит, когда рядом с боярами появляются новые лица без ясного объяснения. - Она посмотрела на меня в упор. - Потому слушай меня внимательно, стрелец Вадим. При дворе я не могу держать тебя открыто телохранителем - не по чину простому стрельцу состоять при боярском доме постоянно. Но и без охраны здесь оставаться не могу - слишком много желающих поживиться моими землями, муж мой не встает больше из могилы, чтобы их защищать.

- Что предлагаешь? - спросил я.

- Отпрошу тебя у сотника под предлогом службы дому в память о спасении моей жизни, - сказала она. - Игнат Фомич не откажет, коли грамоту напишу с должным весом. Будешь при мне - не напоказ, а незаметно, как тень. Слуга, охранник, кто угодно, лишь бы никто не задавал лишних вопросов.

Так началась моя тайная служба - личная, скрытая, требовавшая осторожности. Игнат Фомич, получив грамоту от Любавы, хмыкнул, но перечить знатной вдове не стал - тем более что грамота сопровождалась достаточно щедрым подношением, чтобы развеять любые сомнения.

Первые недели в Москве прошли в непрерывном обучении меня правилам. Я сопровождал Любаву на встречи с приказными людьми, стоял у дверей во время ее переговоров с адвокатами и родственниками покойного мужа, учился слышать не только слова, но и то, что за ними скрывалось.

Московский двор, как я довольно быстро понял, жил по законам, которые не были прописаны ни в одном своде, но соблюдались строже любого закона. Здесь ценили умение выждать нужный момент, способность сказать одно, подразумевая другое. Я, привыкший к военной прямоте приказа и исполнения, учился искусству недосказанности.

Любава, к моему удивлению, оказалась в этом куда искуснее, чем я предполагал по первому впечатлению. Она умела улыбаться людям, которых явно презирала, могла вывести нужные сведения из разговора, казавшегося пустой светской беседой.

- Ты наблюдаешь за мной, - заметила она однажды. - Изучаешь, что я делаю.

- Изучаю, - не стал отрицать я. - Ты играешь в игру, правил которой я не знал прежде.

- Ты и сам неплохо в нее вписался, - сказала она с легкой усмешкой. - Молчишь там, где надо молчать. Не суешься, где не спрашивают.

Это была правда. Слишком быстро я осваивался там, где местным требовались годы. Слишком много знал того, чего знать не следовало простому стрельцу без роду без племени.

Опасность обозначилась отчетливее на приеме у одного из дальних родственников Годунова, куда Любаву пригласили спустя месяц после нашего приезда в Москву. Это было событие, которое она считала важным испытанием своего положения при дворе.

Прием проходил в просторных, богато убранных палатах, полных людей в дорогих одеждах, разговоров. Я стоял в числе прочей челяди, наблюдая за Любавой, беседовавшей с группой боярынь, и именно в этот момент ко мне подошел человек, - среднего роста, с узким, хищным лицом и глазами, что оценивали собеседника с той же цепкостью, с какой Любава оценивала меня при нашей первой встрече.

- Ты, стало быть, тот самый стрелец, что боярыню Волынскую от лихих людей отбил, - сказал он без предисловий, разглядывая меня с ног до головы. - Наслышан. Хвалят тебя.

- Служба, - ответил я коротко, тем же словом, каким привык отгораживаться от лишних вопросов.

- Служба, - повторил он с интонацией, в которой звучало что-то похожее на насмешку.

- А скажи мне, служилый, где ж ты такой выучке набрался? Не по-стрелецки бьешься, люди сказывают. По-другому вовсе.

Внутри у меня похолодело - вопрос был направлен куда точнее случайного любопытства.

- Кто спрашивает? - спросил я.

Незнакомец улыбнулся - тонко, неприятно.

- Прохор Ртищев, - представился он, и я мгновенно понял, кто передо мной: тот самый сосед-тяжебщик, зарящийся на земли Любавы. - Не бойся, стрелец, вопрос праздный. Просто люблю знать, с кем боярыня Волынская делит стол и кров. Мало ли, вдруг однажды пригодится.

В этой фразе - «делит стол и кров» - прозвучал явный намек, куда более грязный, чем простое любопытство.

- Служу боярыне честно, - сказал я. - Больше знать вам ни к чему.

Ртищев прищурился, оценивая мой ответ.

- Ин ладно, - сказал он. - Погляжу еще, каков ты в деле, коли дойдет. - Он развернулся, чтобы уйти. - А ссору свою в сотне помнишь ли уже, стрелец? Или память так и не вернулась?

Вопрос ударил сильнее любого клинка. Ртищев знал - или, по крайней мере, слышал - про ту самую забытую историю, которую от меня скрывали Микула и Пелагея с самого первого дня моего пробуждения в этом теле. Знал и намеренно бросил этот вопрос мне в лицо, чтобы посмотреть на реакцию.

- Помню то, что нужно помнить, - ответил я, не выдав, надеюсь, того смятения, что поднялось внутри.

Ртищев рассмеялся коротким, неприятным смехом и отошел, оставив меня с чувством, что человек этот знает обо мне больше, чем следовало, и что рано или поздно он найдет способ использовать это знание против Любавы - или против меня самого.

Позже, уже дома, когда прием закончился и мы вернулись в ее московские палаты, я рассказал Любаве о разговоре с Ртищевым.

Она выслушала со сосредоточенным вниманием. Когда я закончил, покачала головой.

- Ртищев - змея, - сказала она с нескрываемой неприязнью. - Земли моих ему мало, он и честь мою готов в грязь втоптать, лишь бы найти рычаг для тяжбы. Не удивлюсь, если он и весть о твоей ссоре в сотне раздул сам, чтобы посмотреть, как ты дернешься.

- Думаешь, он знает правду об этой ссоре?

- Не знаю, - призналась она. - Но узнать стоит нам самим, прежде чем он использует это против тебя первым. - Она посмотрела на меня внимательно. - Пошлю весточку сотнику твоему, разузнаю через верных людей, что за история случилась в сотне до нашей встречи. Пора уже перестать бояться собственного прошлого, стрелец Вадим.

В ее голосе прозвучала забота. Здесь враги не бросались с саблями наперевес - они улыбались, кланялись и ждали единственной ошибки, чтобы нанести удар исподтишка.

Глава 6

Удар пришел на исходе третьей недели. Тихо, ночью, и едва не оказался последним для нас обоих. Я спал в тесной каморке при доме, отведенной мне как охраннику. Я был на ногах раньше, чем успел понять, что именно меня разбудило, и в руке уже лежал нож, который с недавних пор держал под подушкой из осторожности, окрепшей после разговора с Ртищевым.

Тень скользнула по коридору к покоям Любавы. Я нагнал незваного гостя у самой ее двери - человек в темной одежде, его пальцы уже легли на щеколду. Я ударил его в бок, и мы оба рухнули на пол. Он вывернулся из-под меня слишком быстро для случайного грабителя, полоснул ножом по предплечью и метнулся к окну. Я успел ухватить его за полу одежды - ткань треснула, но он вырвался, оставив меня с лоскутом в кулаке и колотящимся сердцем. Дверь Любавы распахнулась. Она стояла на пороге встревоженная и со свечой руке.

- Что случилось? - спросила она.

- Кто-то шел к твоим покоям, - сказал я, зажимая рану на предплечье. - Быстрый. Умелый. Она посмотрела на кровь, темневшую на моем рукаве, и на секунду ее лицо дрогнуло.

- Ртищев, - произнесла она. - Больше некому.

Мы не спали остаток ночи. Идти с жалобой в приказ означало ввязаться в разбирательство, в котором у Ртищева было куда больше рычагов, чем у вдовы без покровителя за спиной.

- Есть у меня родня по матери, в землях южнее, - сказала Любава к рассвету. - Небольшая вотчина, тихое место. Пересидим там, пока не найду способ достать Ртищева его же грехами. А грехов у него немало, поверь мне.

- Когда выезжаем?

- Сегодня, до полудня. - Она посмотрела на меня прямо. - Возьму немногих слуг, кому верю. Ты со мной, стрелец Вадим. Открыто. Хватит прятать то, что все и так видят.

В ее словах было решение вопроса охраны. И было еще признание того, что мы оба избегали называть все эти недели в Москве. Выехали спешно, малым числом: Любава, я, две служанки и старый слуга Емельян. К вечеру Москва осталась позади, сменившись извилистой дорогой среди деревьев.

Гнали коней, пока хватало света. К ночи остановились - двигаться дальше в темноте было не безопаснее, чем оставаться в Москве под ножом Ртищева. Разбили лагерь на поляне у ручья, развели небольшой костер. Емельян со служанками уснули быстро, вымотанные гонкой. Я остался у костра с Любавой. Она сидела, кутаясь в плащ, глядя на огонь.

- Испугалась? - спросил я, подсаживаясь ближе.

- Разозлилась, - поправила она. - На страх у меня не было времени. Была злость, что кто-то посмел прислать убийцу в мой дом.

Я смотрел на ее профиль в свете костра - острые скулы, упрямо сжатые губы, взгляд, направленный в огонь. Внутри поднималось тепло, которого я не ждал от себя в такую тревожную ночь.

- Ты сегодня чуть не потерял руку, - сказала она, повернувшись ко мне и посмотрев на повязку. - Из-за меня.

- Из-за Ртищева, - возразил я. - Вина не твоя.

Она протянула руку и коснулась повязки на моем предплечье.

- Я не готова потерять тебя раньше срока.

- Я не собираюсь никуда исчезать, - заверил я.

Она придвинулась ближе, я обнял ее. Небо над поляной было ясным, звездным, без единого облака.

- Смотри, - сказала Любава, глядя вверх. - Столько звезд. В Москве их за дымом да за светом от окон не разглядеть толком.

- В моем прежнем мире их тоже было почти не видно, - сказал я тихо.

Она посмотрела на меня внимательно, но не стала расспрашивать. Коснулась губами моей щеки, затем нашла мои губы.

- Здесь нас никто не увидит, - прошептала она. - Ни Москва, ни Ртищев. Только небо да костер.

Плащ соскользнул с ее плеч на траву. Я обнимал ее в свете догорающих углей. Здесь, вдали от чужих взглядов, она позволяла себе быть просто женщиной - той, что ищет тепла и отвечает на каждое прикосновение. Ее губы раскрылись под моими, поцелуй стал глубже, полон невысказанной жажды, копившейся долгие дни. Она прижалась ближе, будто хотела раствориться в этом моменте, в этом редком ощущении свободы.

Я опустил ее на расстеленный плащ, не разрывая поцелуя. Мои пальцы медленно развязали шнуровку на ее платье, и ткань послушно сползла, открывая плечи и грудь. Покрыв поцелуями ее шею, спускаясь ниже, к ложбинке между грудями. Мои губы ласкали ее грудь, язык мягко кружил вокруг чувствительных вершин. Ее дыхание участилось, а тело отзывалось на каждое движение легкой дрожью удовольствия.

Я перевернул ее на бок, прижимаясь сзади, чтобы чувствовать всем телом. Одна моя рука обхватила ее за талию, другая скользила по бедру. Она задрожала, когда мои пальцы нашли влажную, готовую для меня нежность и начали медленные, круговые движения. Любава прикусила губу, чтобы сдержать стон, но он все равно вырвался - низкий, полный желания.

Я вошел в нее сзади. Она охнула, принимая меня полностью, и на мгновение замерла, привыкая к ощущению наполненности. Потом начала двигаться сама - толкаясь назад, навстречу каждому моему толчку. Я перевернул ее на спину, чтобы видеть ее лицо. Вошел снова, глубоко, обхватывая ее ноги и закидывая их себе на плечи. Теперь каждый толчок заставлял ее выгибаться и тихо вскрикивать. Мои руки ласкали ее грудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.